

≈ 20 мин

Чем дальше по времени мы удаляемся от роковых событий 1990-х годов, тем очевиднее становится банкротство идейных конструкций, взращённых на благодатной почве невежества. Тотальный плюрализм в области методологии, который укоренился в науке в результате огульного отвержения марксизма, привёл к удручающим последствиям. Произошёл отход от изучения и выявления общих закономерностей и взаимосвязей и, в частности, от методов выведения конкретных фактов из этих закономерностей и взаимосвязей. Исследователи концентрируются на изучении разрозненных фактов без понимания их смысла и взаимозависимости. В такую фрагментарную картину без труда встраиваются сколь угодно нелепые представления.

Не так давно и сам автор этой статьи в своём диссертационном исследовании писал:

«Ввиду особенностей, определённых нами целей и задач, а также учитывая специфику объекта диссертационного исследования, мы пришли к выводу о необходимости комбинированного методологического подхода. Суть данного подхода применительно к нашему исследованию заключается в использовании отдельных элементов нескольких теорий и подходов, наиболее продуктивных для раскрытия того или иного вопроса».

Подобная формулировка методологии очень характерна для исторических исследований постсоветских историков. Как правило, в разделе методологии подобных работ декларируется, что марксистская методология познания была заиклена на экономических вопросах и при этом совсем не акцентировала

Классовые противоречия как основной двигатель развития общества

внимание на других факторах общественного развития. На этом утверждении критика заканчивается, автор декларирует свою приверженность новым методологическим схемам, а зачастую просто утверждает, что использовал всё «лучшее» из различных теорий, несмотря на то, что они могут в корне противоречить друг другу.

Господство эклектики в методологии исторических исследований не приближает исследователей к истине, «многосторонность» оказывается мнимой, поскольку эклектика формально сочетает разные признаки предмета, не выясняя их взаимоотношения, не умея выделить среди этих признаков главного, определяющего.

Не помогает делу и вошедшая в моду среди историков теория модернизации. Данная буржуазная безделушка возникла в середине XX века в качестве одной из множества альтернатив марксистской формационной теории и исторического материализма в целом. Термин «модернизация» является расплывчатым и бессодержательным. Обычно его применяют в двух значениях: 1) модернизация — достижение современности, превращения традиционного или дотехнологического общества, по мере его трансформации, в общество, для которого характерна машинная технология; 2) термин «модернизация» относится к отсталым или слаборазвитым обществам и описывает их усилия, направленные на то, чтобы догнать ведущие, наиболее развитые страны, которые сосуществуют с ними в одном историческом времени, в рамках единого глобального общества¹.

Таким образом, в основе теории модернизации лежит примитивная

Классовые противоречия как основной двигатель развития общества

дихотомическая схема, в которой традиционное общество трансформируется в современное. Теория модернизации призвана затушевать все противоречия, содержащиеся в капиталистических отношениях. Игнорируя борьбу классов, она подменяет революционный характер перехода от одной формации к другой эволюционной трансформацией традиционного общества в современное.

Отказ постсоветских историков от применения классовой теории в анализе исторического процесса приводит к тому, что при попытке синтеза накопленного фактического материала игнорируется основной источник развития любого общества, а именно, классовые противоречия. Тогда как в реальности общество как высшая форма материи с необходимостью подчиняется законам её движения. Развитие общественного организма происходит через борьбу противоположностей, которая с момента возникновения частной собственности проявляется в борьбе между антагонистическими классами.

Если исключить классовый подход из анализа исторических явлений, мы совершенно утрачиваем способность понять сущность того или иного исторического факта и, соответственно, явления в целом. Проиллюстрировать это хотелось бы на малоизученной до сих пор теме, а именно — становлении медицинского обеспечения заводских поселений Замосковского горного округа в первой половине XIX века.

В этот период в России произошло серьёзное обострение классовых противоречий между нарождающимся классом пролетариев в лице мастеровых металлургических заводов и буржуазией, в постсоветской исторической науке

называемой предпринимателями, владельцами этих заводов. Противоречия эти выразились в большом количестве волнений и бунтов заводских мастеровых, составить представление о которых мы можем, открыв обширный сборник документов под названием «Рабочее движение в России в 1800–1860 гг.»² Эти документы ярко свидетельствуют о том, что в условиях разложения феодализма, возникновения и развития капитализма, когда пролетариат только зарождался, уже первый этап его исторического существования сопровождался бурным протестом рабочих всех категорий против крепостнического гнёта и эксплуатации предпринимателями.

Естественно, эти волнения жестоко подавлялись. Так, в 1813–1816 гг. на заводах Урала произошёл ряд выступлений мастеровых. Наиболее резонансным среди них было волнение крестьян и мастеровых на Белорицком заводе полковника Пашкова. Из донесений Оренбургского губернатора М. А. Навразова мы узнаём о причинах волнения, он пишет:

«Крестьяне начально подвигнуты были обнаружить ропот свой от непомерно дерзкого и сурового управления бывшего при сём заводе управляющим служителя Евграфа Полянского и сверх того несвоевременною выдачею им заработанных денег, хлеба, а частью и употреблением их в работы без всякой платы, кроме того, что с них же в последние пред сим три года чинены были неумеренные вычеты за недоработку своих уроков, как-то: в ковке железа, в жжении и возке угля и прочего»³.

В результате, для подавления волнений и принуждения к работе на Белорицкий

завод была направлена воинская команда.

К началу XIX века взаимоотношения между заводовладельцами и разными категориями мастеровых регулировались целым рядом манифестов (1769 и 1779 гг.), а также именным постановлением Сената от 9 ноября 1800 г. «Об укомплектовании горных заводов неперменными рабочими»⁴. Эти правовые нормы были лишь попыткой дворянского государства смягчить зреющие классовые противоречия, отражающие объективные изменения социально-экономических отношений, связанных с зарождением капитализма. Но так как в основе политики царского правительства было отстаивание классовых интересов прежде всего дворянского сословия, не могло быть и речи об ограничении власти помещиков над своими крепостными.

Волнения стали резонансным событием и имели последствия. Дело дошло до Александра I, который распорядился создать комиссию для детального изучения положения мастеровых. Результатом её деятельности стало создание «Положения об улучшении состояния находящихся при казённых и частных заводах мастеровых и работных людей», которое составлялось в 1817–1821 гг. Несмотря на то, что данный документ не вошёл в действующее на тот момент Собрание законов, а все его пункты носили рекомендательный характер, оно сыграло определённую роль, в частности, в улучшении медицинского обеспечения заводских поселений.

Для данной статьи имеет значение тот факт, что в документе было прописано требование об учреждении при заводах госпиталей и аптек с достаточным количеством медикаментов и «штатных врачей», а также богадельни для тех

мастеровых и работных людей, у которых нет родственников⁵ .

Чтобы оценить, имело ли это требование какое-то реальное влияние, необходимо сравнить уровень развития медицинской инфраструктуры заводских поселений Замосковского горного округа до и после его принятия. Для этого обратимся к документам, относящимся к теме нашего исследования и хранящимся в Центральном государственном архиве Москвы.

В деле «...о распространении по заводским сёлам прививок коровьей оспы» речь идёт об эпидемии оспы, которая свирепствовала в начале XIX века в центральных регионах России. В 1807 году она унесла жизни 166 922 человек, а в 1808 году — 156 890 человек⁶ . Государство в этих условиях проводило политику по внедрению противооспенных прививок для всех родившихся младенцев, однако данная инициатива наталкивалась на ряд препятствий.

Во-первых, в народе существовали предрассудки, гласившие, что *«несообразно с природой человека заимствовать оспенную материю от животного»*;

Во-вторых, неимение достаточного количества медицинских чиновников или других людей, способных сделать прививку;

В-третьих, несовершенство надзора и недостаток финансирования со стороны властей на местах⁷ .

Был предпринят ряд мер для устранения этих препятствий. Рекомендовалось в каждой губернской столице учредить комитеты, занимающиеся проблемой прививания оспой, и поставить перед ними следующие задачи:

Классовые противоречия как основной двигатель развития общества

- выявить число малолетних детей, у которых ещё не было оспы, и провести их вакцинацию;
- снабдить прививающих необходимым количеством лекарства;
- организовать обучение специалистов.

Данные меры распространялись и на заводы, подведомственные Московскому горному правлению. Все частные заводы подчинялись уездным комитетам, однако те из них, на которых имелись собственные доктора, должны были составить собственные комитеты на общих правилах.

В результате обследования горных заводов Замосковского горного округа в 1812 году было выявлено, что из 47 заводов лекари имелись только на заводах статской советницы Полторацкой и коллежских ассессоров Ивана и Андрея Баташёвых. В общей сложности под медицинское обслуживание попадали 14 заводских поселений. Вся система медицинского обеспечения остальных заводов заключалась в вызове уездных врачей⁸.

Свидетельством того, что «Положение...» сыграло определённую положительную роль, можно считать тот факт, что после его опубликования Горный департамент сразу обеспокоился проблемой отсутствия на заводах квалифицированных врачей. В 1821 году всем заводладельцам всех заводских округов было разослано предписание *«озаботиться поиском для своих заводов опытных врачей»*⁹. Естественно, все заводчики начали писать отписки с уверениями, что их главная цель — это забота о мастеровых, что они уже имеют опытных врачей.

Тем же годом датирован другой важный документ¹⁰, который затрагивает

интересующий меня вопрос. Из него можно почерпнуть подробные сведения о системе попечения над увечными, престарелыми и бездомными, которая сложилась в рамках Замосковского горного округа до 1821 года.

Крупные заводские центры, такие, как Выксунская и Гусевская группы заводов, принадлежавшие наследникам Баташёвых, могли себе позволить выделять значительные средства для организации пенсионного обеспечения. Исходя из отчётов, присылаемых заводской конторой гг. Шепелевых (владельцев Выксунской группы) в Московское горное правление, система была построена следующим образом:

- Вдовы с сиротами, оставшиеся после умерших мастеровых, получали пенсию ежемесячно, как и престарелые и увечные мастеровые. Они либо имели свои дома, либо принадлежали к семействам работающих мастеровых, находились на их попечении. Расходы на их пенсионное обеспечение составляли в год по всем заводам Шепелева до 12 115 рублей.
- Престарелые мастеровые, не совсем ещё потерявшие зрение и здоровье, устраивались на работу в караульщики и получали жалованье, часть которого предоставлялась в качестве пенсии за их многолетнюю службу. Расходы на их пенсионное обеспечение составляли в год до 26 326 рублей.
- Богадельня находилась только при Выксунском заводе. Туда со всех заводов помещались престарелые и безродные женщины: число их было невелико, потому что большинство проживало при своих родственниках. На содержание богадельни выдавалось ежегодно без учёта отопления и освещения по 440 руб. 40 к.¹¹ .

На заводах (Гусевском, Верхнеунженском, Еремшинском, Илевском, Мердушенском, Вознесенском, Сынтульском) наследников Ивана Родионовича Баташёва для тех, кто не мог заработать себе на пропитание, а также вдовам и малолетним сиротам, производилась выдача хлеба и по 1 рублю в месяц на каждого.

Сложно судить о достоверности данных из этого дела: большинство из них напоминает простую отписку. Практически все заводские конторы в своих ответах, присланных в Московское горное правление, утверждали, что все нуждающиеся живут при своих семьях, которым выдаётся определённое довольствие в виде денег или провианта. Подобные данные было сложно перепроверить и в большинстве случаев им нельзя было доверять — это признавали и сами чиновники Замосковского горного правления в донесениях в Департамент горных и соляных дел¹².

В качестве примера тотального обмана и коррупции, которая царила в России в первой половине XIX века, можно привести историю Виндреевского завода, принадлежащего купеческой жене Очкиной. История о нём заслуживает отдельного материала, так как представляет собой вопиющий случай злоупотребления чиновниками царской России своим положением и в целом является свидетельством того, что и заводовладельцам, и чиновникам было абсолютно наплевать на судьбы простых рабочих людей.

Из материалов дела, хранящегося в фондах РГИА под заглавием «По представлению Московского горного правления об освобождении от платежа податей не действующего Виндреевского завода Генерала-майора Еракова»,

видна затяжная чиновничья волокита, длившаяся не один десяток лет. Заложниками которой стали почти 1000 крестьян, проживавших в имении при Виндреевском заводе, лишённых работы, земли и находившихся в таком положении более 30 лет.

Несмотря на то, что Виндреевский завод значился в документах и описях Замосковского горного правления как существующий вплоть до 60-х годов XIX века, ни завода, ни строений, к нему принадлежащих, в действительности не было с 1825 года. Плотина была прорвана, пруд спущен, так что завод существовал только формально. Чиновники должны были знать не только о бездействии завода, но и о том, что его не было, потому что на основании статей 493-501-503 Горного Устава о состоянии завода должен был посылаться отчёт, и, кроме того, несколько раз на завод посылались чиновники горного ведомства. Однако, несмотря на это, в 1859 году они умудрились продать несуществующий завод генерал-лейтенанту Еракову. В итоге только 14 августа 1884 года, после долгой волокиты, Виндреевский завод был наконец-то исключён из списка горных заводов¹³.

Возвращаясь к нашей теме, мы должны сказать, что из данных, касающихся благоустройства богаделен, присланных заводскими конторами Замосковского горного округа, следует, что в 1821 году богадельня действовала только при Выксунском заводе.

Случаи, описанные выше, являются прямой реакцией чиновников на уже упомянутые пункты «Положения...» Из приведённых данных мы можем констатировать, что до принятия «Положения...» медицинской инфраструктуры

Классовые противоречия как основной двигатель развития общества

заводских поселений практически не существовало. Это явилось одной из причин усиления классовой борьбы в начале XIX века.

Однако, подчиняясь скорее необходимости, чем соображениям филантропии, чиновники и заводовладельцы вынуждены были идти на определённые уступки, реагируя на участившиеся случаи волнений мастеровых. В качестве свидетельства этому можно привести данные о медицинской инфраструктуре заводских поселений Замосковского горного округа за 1835 год (см. Таблица 1).

Согласно представленным данным, из 33 заводских поселений хоть какое-то медицинское обслуживание имелось теперь на территории 21. Мы видим, что количество медицинского персонала, проживающего при заводах, значительно возросло и составило 23 человека (среди них 9 медицинских чиновников), в совокупности обслуживавших 19 заводских поселений. Касательно системы попечения над увечными, престарелыми и бездомными можно сделать вывод о том, что она не претерпела значительных изменений. За рассматриваемый период богадельня была построена только при Авгурском и Сивинском заводах.

Название завода	Наличие медицинского персонала	Госпиталей и аптек	Богаделен	Численность заводского поселения
Истинско-Залипяжский	Один медицинский чиновник— штаб-лекарь— Гернст	—	—	374 души
Мышегский	Один медицинский чиновник 12 класса Господин Кротков	1	—	144 души
Ибердецкий Черепетский	—	—	—	—
Людиновский и Сукременский	1 штаб-лекарь	—	—	При обоих заводах и деревнях 2217 душ
Богдано-Петровский	—	—	—	1062 души
Выксунский, Велетменский, Сновидский, Верхне-Железницкий, Железницкий, Унженский	1 штаб-лекарь 6 учеников и 6 помощников	1 больница и 6 аптек	1 при Выксунском заводе	При всех заводах 7526 душ
Кирицкий Дугненский	1 приезжает по найму на время	—	—	308 душ

Классовые противоречия как основной двигатель развития общества

Авгурский и Сивиньский	Один медицинский чиновник	—	1	760 мастеровых, 324 крестьян
Песоченский и Серенский	—	—	—	При обоих заводах 651 души
Гусевский, Верхнеунженский, Еремшинский, Илевский, Мердушенский, Вознесенский, Сынтульский	Медицинских чиновников при Гусевском — 2, при Еремшинском — 1, на Вознесенском 1 медицинский работник	1	госпиталь — и 1 аптека	На всех заводах всего 12 384 души
Ханинский	—	—	—	2182 души
Рябкинский	—	—	—	1106 душ
Непложский	1 лекарский ученик	—	—	407 душ
Бытошовский	—	—	—	488 душ
Виндреевский	—	—	—	833 душ
Дубенский	—	—	—	201 душа
Сенетско-Ивановский	—	—	—	370 душ

Таблица 1. Медицинская инфраструктура заводских поселений Замосковского горного округа (1835 г.)¹⁴.

Нужно обратить внимание на то, что я оперирую в основном количественными показателями, за неимением источников оставляя без внимания качество медицинского обеспечения. Однако и приведённых данных достаточно, чтобы подтвердить, что классовое общество развивается благодаря наличию антагонистических противоречий между классами. Появление зачатков медицинского обеспечения и медицинской инфраструктуры в рамках заводских поселений Замосковского горного округа в первой половине XIX века неразрывно связано с обострением классовых противоречий, выразившихся в волнениях мастеровых. Для поддержания стабильности системы дворянское государство было вынуждено выступать в качестве арбитра в этом конфликте. Ограничить помещичье право оно не могло, однако, пытаясь сгладить конфликт посредством регламентации отношений между заводовладельцами и рабочими, всё же способствовало движению вперёд в рассматриваемой нами области. Конечно, этих инициатив оказалось недостаточно, вся система требовала кардинальной перестройки, но это уже отдельная тема.

При отказе от классового подхода вышеописанные связи явлений остались бы для нас туманными и наверняка были бы истолкованы превратно. На этом примере хорошо чувствуется необходимость использования марксистской методологии познания. Отсутствие её применения приводит к тому, что историческая наука превращается в миф о «добрых хозяевах» и «естественном прогрессе», посредством которого традиционные общества чудесным образом превращаются в современные.

Примечания

1. Ермаханова С. А. [Теория модернизации: история и современность.](#) ↩
2. [Рабочее движение в России в 1800—1860 гг.](#) М.: Госполитиздат, 1951. 1040 с. ↩
3. Там же. С. 296. ↩
4. Более подробно о правовом регулировании взаимоотношений заводовладельцев и мастеровых см.: Арсентьев Н. М. Правовое положение рабочих Замосковского горного округа конца XVIII — первой половине XIX века в ретроспективе модернизационной парадигмы России // *Экономическая история*. 2013. № 2 (21). С. 8-18. ↩
5. Арсентьев Н. М. Правовое положение рабочих Замосковского горного округа конца XVIII — первой половине XIX века в ретроспективе модернизационной парадигмы России // *Экономическая история*. 2013. № 2 (21). С. 12. ↩
6. ГБУ «ЦГА Москвы» ОХД до 1917 г. Ф. 2199. Оп. 1. Д. 1248. Л. 3. ↩
7. ГБУ «ЦГА Москвы» ОХД до 1917 г. Ф. 2199. Оп. 1. Д. 1248. Л. 7. ↩
8. ГБУ «ЦГА Москвы» ОХД до 1917 г. Ф. 2199. Оп. 1. Д. 1248. Л. 21. ↩
9. См.: РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 117. ↩
10. ГБУ «ЦГА Москвы» ОХД до 1917 г. Ф. 2199. Оп. 1. Д. 137. Л. 1-35. ↩

Классовые противоречия как основной двигатель развития
общества

11. ГБУ «ЦГА Москвы» ОХД до 1917 г. Ф. 2199. Оп. 1. Д. 137. Л. 30-31. ↩
12. См.: ГБУ «ЦГА Москвы» ОХД до 1917 г. Ф. 2199. Оп. 1. Д. 137. ↩
13. См.: РГИА. Ф. 37. Оп. 73. Д. 28. ↩
14. ГБУ «ЦГА Москвы» ОХД до 1917 г. Ф. 2199. Оп. 1. Д. 1562. Л. 31-71. ↩